

Эля Рин

ЛЮБОВЬ,

ВЕДЬМА И КОТИКИ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р51

Разработка серийного оформления *Е. Елькиной*

Иллюстрация на переплете художника *Д. Родионовой*

Рин, Эля.

Р51 Любовь, ведьма и котики / Эля Рин. — Москва :
Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-169610-8

Юная ведьма Женечка приезжает в Петербург, чтобы присмотреть за котом сестры. Казалось бы, что тут может быть интересного, кроме экскурсий, вкуснейших булочек и ведьминского шабаша? Однако все меняется, когда Женя случайно проходит кастинг в шоу, где главный приз — сердце (и деньги) миллионера. Тайны, погони, новые друзья и враги, а еще... самый вредный в мире великолепный кот! Вот что с ним делать?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169610-8

© Рин Э., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Пролог,
*в котором с крыши
очень красивые виды*

— **П**равильно ли я понимаю, — прищурился Сигизмунд, — что ты собралась лезть на купол Исаакиевского собора? На ночь глядя. В самодельном платье из зеленой гардины. В туфлях на шпильках. Для того, чтобы там станцевать жаркое танго с юристом твоего так называемого возлюбленного?

— Да! — радостно кивнула я.

— А ты понимаешь, Евгения, насколько это поведение безответственно? — Когда Сигизмунд злился, в глазах у него появлялись зеленые молнии, а шерсть вставала дыбом и натурально искрила. Сейчас, по ощущениям, разрядов хватило бы, чтобы запитать электростанцию среднего размера.

— Ладно, — притворно вздохнула я. — Ты прав. Надену туфли без каблучков.

— Угу. Это, конечно, радикально изменит ситуацию.

— Конечно! Так у меня гораздо меньше шансов свалиться, чудом уцепиться за край крыши, болтаться там и испортить тебе мирный ночной сон...

Сигизмунд показательно закатил глаза.

— ...Ведь тогда твоему великолепному котейшеству пришлось бы организовывать спасательную операцию, пить валерьянку и волноваться.

— Делай как знаешь, — ледяным голосом ответил Сигизмунд, медленно встал и показательно удалился на балкон.

А я нарезала бутербродов, натянула платье — надо же его проверить в деле перед конкурсом костюма! — покрепче затянула шнурки на кедах и пошла.

— Ммммя? — спросила Джу, когда я зазвенела ключами, открывая дверь.

— Сегодня тебе придется остаться на хозяйстве.

— Мфффф! — мол, ничего себе заявочки. А если я не хочу?

Я присела на корточки, обняла Джу и нежно потерлась носом о серый полосатый лобик. Потом почесала ее за ухом и твердо сказала:

— Нет. Прости, сегодня я никак не могу тебя с собой взять. Там будет... неважно. Просто не хочу, чтобы нас рассекретили по всем фронтам. К тому же вон Сигизмунд в плохом настроении... надо за ним приглядывать и проконтролировать, — прошептала я и тут же оглянулась, не слышит ли Сигизмунд. А то за такую формулировку мог бы и лапой отшлепать, с него станется.

— Мрр, ну ладно, уговорила. Только возвращайся целой и невредимой, хорошо?

— Хорошо! — ответила я и побыстрее выскользнула за дверь, чтобы Джу меня не раскусила. Еще пару мгновений, и она бы точно почувствовала, насколько сильно я нервничаю.

Через час я забралась на купол Исаакия с последней порцией туристов. Отвела чужие взгляды в сторону, подобрала длинный подол платья и перелезла через ограждение. Так, еще несколько шагов вдоль парапета — только не смотреть вниз, только не смотреть! — завернуть за угол и устроиться в укромном закутке между строительными лесами. Вечно тут что-то улучшают, переделывают и восстанавливают... идеально для того, чтобы прятаться.

Ожидая наступления ночи, сначала я прочитала все мессенджеры и ленты друзей в соцсетях, этого хватило на пару часов. Потом достала из сумки маленький термос с чаем и бутерброд с колбасой. Откусила и зажмурилась от удовольствия. Вот почему иногда приходишь в дорогой пафосный ресторан, цены как в космосе, обслуживание такое, будто ты шейх арабский и Маргарет Тэтчер в одном лице, блюда сложные и вроде интересные... но все равно не цепляет? А тут докторская колбаса самая обычная, батон из супермаркета, чай из пакетиков... Однако вкусно до головокружения.

Наверно, все дело в декорациях.

На Петербург опускалась белая ночь. Краски вмиг поблекли и выцвели, а перистые облака стали серебристо-сиреневыми, как будто по небу проехала повозка призрачного цветочника, и он растерял по дороге все звездные ирисы. Здания теперь казались вырезанными из белой бумаги силуэтами. На них то тут, то там загорались янтарные ожерелья окон. Изредка сильный порыв ветра приносил мне обрывки разговоров и смех снизу, с тротуаров и набережных. В начале

июля Петербург не засыпает на ночь. Наоборот. Город просыпается, а мафия...

— Доброй ночи. — Вадим подкрался пугающе незаметно.

Я вздрогнула и уронила бутерброд. И почему-то ужасно расстроилась. Хотя расстраиваться надо было бы по совсем другому поводу.

Отряхнула пальцы от крошек и поднялась на ноги. Сдержанно кивнула, пытаясь не показать волнения.

— Доброй.

— Скажите, Евгения, вы всегда назначаете встречи в таких... ммм, необычных местах?

— Не всегда. И не всем.

— Чем же я заслужил такую честь?

— Тем, что не задавали лишних вопросов и сумели сюда подняться.

— Но это было уже после приглашения...

— Я это предвидела.

— Надо же, — он усмехнулся. И я готова поклясться, в этот момент его глаза изменились: из темно-зеленых превратились в стальные, серые. Под цвет пыльных сумерек. — Так зачем я вам понадобился?

Я закусила губу. Пока еще не поздно отговориться, свести все к шутке, соврать...

— Мне кажется, что вы хотите меня убить. Я хочу знать, зачем вам это понадобилось.

Глава 1,
*в которой мы едем
вместо того, чтобы лететь*

С самого утра я проводила раскопки в шкафу. Уже успела добраться до третьего культурного слоя: вещей, о существовании которых еще помнишь, но уже смутно, смутно. Нет, я точно знала, что оно должно быть здесь! Такое потрясающее, зеленое и в цветочек, а еще к нему салатовые босоножки с бантиками... Ааа! Да куда ж они подевались!

— Женечка, — крикнули мне из коридора. — Ты знаешь, что Жучка снова жует бегонию?

— На здоровье, — буркнула я, остервенело закапываясь в джинсовые дебри. Та-а-ак, синие джинсы, еще одни синие, темно-синие с начесом, черные... О домовой! О божество этого шкафа! Ну дай же мне знак! Где мои летние шорты? Где мои художественно рваные сиреневые штаны?

Тут рядом кто-то весело засопел.

— Явился не запылится, — пробормотала я. — А раньше где был?

— Вообще-то запылится, — несколько обиженно ответил домовый и показательно чихнул. — В гости ходил.

— Нашел время.

— А вчера собрать вещи нельзя было?

Я возмущенно фыркнула. Как известно, заранее собираются слабаки. Истинные леди делают это в день отъезда, устраивая хаос и разрушение.

— Жень, с кем ты там разговариваешь?

— Сама с собой! — крикнула я в ответ, нащупала что-то похожее на шорты, рванулась на волю раз, другой и вывалилась из шкафа с победным воплем. Сверху упало еще две вешалки, три зимние куртки и пакет с отверженными вещами. Это те, которые давно пора отдать, но жалко, вот они регулярно и валяются всем на голову.

— Ого! — На пороге комнаты появилась Лара и застыла с выражением легкого ужаса на лице. — А... а ты что, на экзамен не идешь? Или...

Лара — это моя соседка по квартире.

Она страшная зануда.

Вечно копается в себе, думает, как бы поступить как правильно, если хочется поступать как хочется, не любит веселого движняка и принципиально не замечает ничего, что противоречит ее картине мира. То есть понятия не имеет, что в шкафу у меня живет домовой, что две наши кошки — настоящие волшебные фамильяры, а я умею летать на метле. Нет, Ларе все это не важно.

А вот какой-то дурацкий экзамен — это важно.

— Ой-ой, — я притворилась, что расстроилась. — Слушай, реально забыла. Думала, что он был вчера.

— Как он мог быть вчера, если ты на него не ходила?

— А вчера я думала, что он сегодня!

— Женька! Ты мне зачем зубы заговариваешь? — подозрительно прищурилась Лара.

— Чтобы они у тебя не болели!

— Так они и не болят...

— Это как раз потому, что я их заговариваю!

— Тьфу! С тобой невозможно...

Все, все так говорят. Что со мной невозможно серьезно разговаривать. Как будто «серьезно» — это какая-то высшая ценность. Как будто ее надо холить, лелеять, укладывать спать, уютно подтыкать одеялко и поить теплым молочком. Бррр. Уж лучше я домовому молочка налью. Он теплый, смешной и мило сопит. А «серьезно» как-нибудь без меня обойдется.

— Слушай, — я показательно тоскливо посмотрела на несобранный рюкзак. — Можешь сказать препода, что я заболела и сдам когда-нибудь потом? Ну, пожа-а-а-алуйста...

— Когда это «потом»?

— Когда вернусь из Питера.

— Так и сказать, что ты заболела и поехала туда лечиться?

— Ну, Ла-а-а-ар...

— Ладно, придумаю что-нибудь, — вздохнула она. — Ты действительно едешь в Питер?

— Угу. Скоропостижно. То есть внезапно. К сестре.

Нет, ежу понятно, что Лара обиделась. Мы обычно предупреждаем друг друга о своих планах заранее. От них же зависит вся эта дурацкая рутина... кто за свет заплатит, кто за воду, чья очередь уборку делать в эту пятницу... Чур, не моя! Но вчера Лара пришла поздно, а позавчера не до того было, а позапозавчера как раз позвонила сестра. И зашла с козырей...

Тут Лара еще раз скептически окинула взглядом разгром, царящий в моей комнате, и спросила:

— Надолго?

— Недели на две. Или на месяц. Как повезет... — я задумалась. — Ну, или всего на пару дней, а потом вернусь с позором. Это если не найдем общего языка с Сигизмундом.

— Сигизмунд — тот, который свежий муж твоей сестры? У него настолько тяжелый характер?

— Нет, — от этого предположения мне стало так смешно, что я даже икать начала. — Нет, ты что. Сигизмунд — это кот.

— Представляешь, — два дня назад моя сестра чуть не плакала в трубку. — Эта авиакомпания не разрешает брать домашних животных в салон. Причем, когда мы покупали билеты, я специально смотрела правила... Специально!

— И что?

— И они их обновили! Неделю назад!

— Вот гады, — сочувственно вздохнула я. — В багажном отсеке ты его, конечно, не решишься везти...

— В багажном отсеке? Трансатлантическим рейсом?!

— Тихо-тихо. Это было не предложение передумать, а констатация факта. А поменять билеты?

— Ни одного подходящего варианта! Я уже обыскалась. Мы ж и так летим с двумя пересадками: сначала в Мадриде, потом в Сантьяго. И впритык успеваем на острова... На даты раньше билетов нет. Позже... Никто нас ждать не будет. Это последний тур в сезоне.

— Да уж, — я посмотрела в потолок, вздохнула и пошла на кухню варить кофе, придерживая телефон плечом. — Твои разумные подружки небось сейчас обязательно бы заявили: «Вот видишь, сама судьба намекает, что Галапагосские острова — не лучшее место для свадебного путешествия. Все эти ужасные гигантские черепахи, дайвинг со скатами, лавовые туннели... Может, лучше в Париж?»

— Поэтому я звоню не им, а тебе.

— Логично.

— Придется все отменять. Переносить на осень. Или на зиму. Или неизвестно на когда. Артем и так чудом выкроил две недели на работе, а теперь не знаю...

— А что говорит сам Сигизмунд?

— Да как обычно! «Мяу» — и смотрит на меня так, будто все уже устроил наилучшим образом и можно ни о чем не волноваться.

Предлагать оставить кота одного в квартире я не стала. Даже с условием, что кто-нибудь будет каждый день заходить, кормить его и чесать за ухом. Я точно знала, что Инна не согласится. Во-первых, там такой характер, что можно прийти с кормом, а уйти с боевыми ранениями. Во-вторых, месяц назад, когда они только въехали в новую квартиру, в один прекрасный, то есть ужасный, день на Сигизмунда свалилась гардина вместе с карнизом, и вечером Инну встретил очень злой, но непобежденный котэ с ушибленной лапой. Гардину он распустил просто на лоскутки. Неизвестно, чего там было больше: злосчастной случайности или желания покататься на занавеске, но факт остается фактом. Теперь сестра боялась оставлять Сигизмунда одного надолго.

Кажется, пришла пора нам познакомиться поближе.

— Помнишь, я говорила тебе, что Питер — серая громадина на болотах и непонятно, как там вообще живут люди? — спросила я, наливая себе кофе и шаря по полкам в поисках печенья.

— Было дело.

— И что в туристический сезон там вообще сумасшествие, и на Невском хуже, чем в метро в час пик?

— Угу.

— И что никогда-никогдашечки не пойму эту тему с Северной Венецией, когда есть в мире Венеция нормальная?

— Ты к чему клонишь?

— Придется мне ехать к тебе и искать подтверждения всему этому. Буду мучиться бессонницей в белые ночи, шипеть на туристов и страдать. Ужасно страдать.

— Жень... ты серьезно?

— Серьезнее некуда. К тому же у меня есть пропуск.

— Какой пропуск?

— Пропуск в мир котовой благосклонности. Я привезу с собой Джу.

— Жучку? А ты уверена... что Сигизмунд ее примет? Как бы не пришлось их по разным комнатам закрывать...

— Сигизмунд — это ж патриарх. Мастоdont. Великолепный и великий. Ему обязательно надо кого-то воспитывать и чтобы им восхищались. Так вот. Джу это умеет лучше всех на свете.

— Ты уверена?

Я опустила взгляд. Под ногами у меня сидела Джу — или, если звать полным именем, Жучка Полосатыевна — и, буквально открыв рот, с искренним восхищением наблюдала, как я строю из печенья башню. В глазах ее читалось лишь одно: «Да, да, хозяйка, ты лучший строитель печеньеваых башен во всей Вселенной! Нет, во всех известных и неизвестных Вселенных, вместе взятых!»

— Уверена.

— Тогда приедешь хотя бы за день до нашего вылета? Я тебе все покажу, расскажу и...

— Приеду, — сказала я и протянула Джу кусок курабье.

Я действительно не люблю северные города. Страстного романа у нас бы точно не сложилось. Для меня они слишком мрачные, одноцветные, дождливые, темные. То ли дело южные! Краснодар какой-нибудь или Ростов-на-Дону! Или та же Москва. Они яркие, говорливые, суматошные, всегда немного безумные, абсолютно несдержанные... Я их очень хорошо понимаю. И люблю.

Но если присмотреться повнимательнее... Своя магия есть в каждом. Абсолютно особенная. Ее невозможно понять, когда приезжаешь туристом и шагаешься по улицам, разглядывая фасады, делая фотки и изучая советы бывалых путешественников, где тут вкусно поесть. Но если просто так выйти из дома и идти куда глаза глядят. Раз, другой, третий... Если прислушиваться к тому, о чем болтают домовые и феи, если выяснить, кто собирается на побережье в полнолуние, если посмотреть в колодец в час Быка и увидеть там потерянную звезду, можно узнать кучу всего интересного. И полезного.

В конце концов, в Питере есть редкие ингредиенты для зелий. И бесподобные булочки со сливками. Пожалуй, этих двух аргументов достаточно, чтобы начать собираться в дорогу.

И делать это, конечно, в самый последний момент...

...Мы выбежали на улицу, когда до поезда оставалось ровно сорок четыре минуты. Какой-нибудь японец в этот момент точно провалил бы мораль и решил остаться дома, раз нумерология против него. А вот мы с Джу сохранили самообладание и в итоге успели заскочить в вагон, когда «Сапсан» уже почти тронулся.

— Как так? — сказала я, пытаюсь отдышаться после забега по эскалатору, а потом по зданию вокзала. — Ну как так? Джу, ты размером с кота, а вешишь как кит! Ну... карликовый кит, предположим, но плечо у меня сейчас просто отвалится!

— Мяф! — ответила Джу и чихнула. Надо сказать, что даже чихать она умела с искренним восхищением.

К тому моменту, как я добралась до своего места в поезде, Джу уже удобно устроилась в переноске, прикрыла нос хвостом и заснула. За каких-то пять минут. Нет, все-таки у меня самое флегматичное в мире котэ. Самое сонное, плюшевое и невозмутимое.

Существует заблуждение, будто фамилльяр есть у каждой ведьмы в обязательном порядке. Черта с два! Большинство ведьм терпеть не могут, когда им сопят под руку, суют нос в котел с зельями или валяются на свежесобранных травах. Можно, конечно, любое живое существо запугать настолько, что оно будет ходить по струнке, или зачаровать так, что оно потеряет пол-

ностью свободу воли и будет просто красиво сидеть в уголке. Но, сорри, это уже нельзя назвать фамильяром. Это марионетка, кукла, пустая оболочка. Ее отличие от плюшевой игрушки лишь в том, что тешить жажду власти приятнее на условно живой твари.

Бррр. Никогда не понимала такого.

А у настоящего фамильяра есть характер, желания, маленькие — и большие! — придури, а также свое мнение почти по каждому вопросу. И, заводя его, стоит это учитывать.

Но я ни секунды не сомневалась, когда отправлялась за котенком. Терпеть не могу одиночество. Днем и ночью, утром и вечером, наяву и во сне мне нужен тот, с кем можно потрындеть о жизни. Подруги, друзья и любовники имеют предел прочности, так что необходимость фамильяра налицо.

С детства я привыкла, что всегда можно поболтать с сестрой. А когда выросла и научилась чужать души, то поняла, что в одной из прошлых жизней она была кошкой. Так что вопроса о том, какое именно животное или птицу выбрать, тоже не стояло.

С первым фамильяром вышло... немного неловко. Пока кошка Мышка была маленьким неразумным котенком, она с удовольствием прыгала за бантиком на веревочке, гуляла со мной по крыше и слушала безумные истории. А вот когда выросла побольше, оказалась жутко скучной. Пихала меня лапой, когда я говорила глупости, бесконечно нудела, чтобы я обновила защитные знаки над дверью, строила возмущенные глаза при виде очередного горячего красавца, а потом научилась делать лапой фейспалм. Воу-воу. Еще поборницы морали мне дома не хватало!

Я уже начинала думать, что это такая специальная насмешка судьбы, проклятие, которое придется тащить через всю жизнь, гейс в виде укоряющей кошки... Но тут Мышка проявила мудрость и просто ушла к соседке по квартире.

И зажили они с Ларой в гармонии.

Занудные, как жвачка со вкусом скучной рутины.

Поэтому год назад второй раз закинул старик в море невод... то есть я пошла за новым котенком, а вернулась с Жучкой. Или сокращенно Джу. И зажили мы душа в душу. Она спит за двоих, восхищается за двоих, довольна жизнью за двоих, бранные слова не употребляет, ушки плюшевые, не фамильяр, а мечта. А главное, к ней можно прийти с любой идеей, и она ее одобрит.

Пошли ловить лягушек на болоте? — Мяф!

Давай есть жареных скорпионов? — Мяф!

Сейчас я испытаю на тебе новую притирку для красоты! — Мяф!

Если я отравлюсь, то противоядие во-о-о-он там! Мяф!

Давай придумаем шалость? — Мяф!

И так далее.

Лишь две слабости есть у Джу. Чужие комнатные цветы (чтобы их есть) и взбитые сливки (чтобы их жрать, урча и подрагивая, как мини-модель сливкоуборочного трактора). А, и еще она терпеть не может, когда на нее наезжают без повода. Или почти без повода.. В принципе, так же, как и я.

Вот как сейчас, например:

— Девушка, вы вообще о других людях думаете? Зачем вы мне под ноги свои вещи ставите?

Угу. «Под ноги» — это значит переноска с Джу занимает пару сантиметров пола под соседним креслом.

— Ой-ой, что вы говорите! Какой ужас! А ваш чемодан сейчас с багажной полки свалится, потому что вы его запихнули туда кое-как. Небось тоже о других людях не думали?

— Откуда вы знаете, какой там мой чемодан?

Я применила дедукцию, как Шерлок Холмс... Нет, слишком умно.

Я с-с-с-следила за тобой, чтобы умыкнуть из чемодана твою душу и убежать с ней в зака-а-а-ат... Нет, слишком пафосно.

Я просто наблюдательная... Нет, слишком просто.

Нет, реально, а чей это может быть такой гигантский чемодан в модном чехле, если ты сидишь тут с сумочкой от Луи Виттон, в показательно леопардовой юбке, сделанными губами и отсутствием мысли на лице?

— Интуиция, — мило улыбнулась я. — Пропустить вас в проход?

— Зачем?

— Через минуту он свалится. А вы — тут как тут.

— Вы прикалываетесь?

Вот так всегда. Ты будущее подглядела, не свое причем, а люди не ценят.

— Как хотите.

Три, два, один... Бам! Ох, с каким же грохотом он свалился!

— Мяу! — сказала Джу, перевернулась на другой бок и снова заснула.

— Сволочь! — пискнула соседка то ли по поводу падения, то ли по поводу меня, такой приятной пред-

сказательницы. А потом бесконечно трогательно суетилась вокруг чемодана со своими длинными ногтями, каблучками-шпильками, выученной беспомощностью и глазами олененка Бэмби. Я даже восхитилась где-то глубоко в душе. Этот бы перформанс да в мирных целях.

В итоге на помощь явилось целых шестеро мужчин. Водружали чемодан на место, ужасались, развлекали прекрасную даму разговорами и всячески намекали на продолжение приятного знакомства. Однако вместо того, чтобы отправиться в вагон-ресторан пить кофе в приятной компании, леопардовый Бэмби плюхнулся на свое место рядом со мной и вдруг тихонько сказал:

— Спасибо.

Вот это было неожиданно. Глядя на своих понтовых богатеньких однокурсниц, я как-то привыкла, что из девиц подобного рода ни «спасибо», ни «пожалуйста», ни снега зимой не допросишься. Все-то им должны. Все-то им обязаны.

Вот так шаблоны и ломаются.

— Всегда пожалуйста, — машинально ответила я.

— Все-таки... не могли бы вы отодвинуть переноску от меня подальше? Просто я ужасно боюсь кошек.

Опа! Вот это поворот. Я даже сначала посмотрела на спящую Джу через сетчатую стенку переноски, чтобы проверить, уж не превратилась ли она за последние пару минут в злобного манула. Или пантеру. Или даже тигра. Маленького такого тигра, на минималках, чтобы уместился под ногами в сидячем вагоне. Однако Джу все еще оставалась такой же серенькой, плюшевой, инстаграмоугодной кошечкой.

— Ммм... Хорошо. — Я потянула переноску на себя. — А зачем вы тогда покупали билет на места с животными?

— Так я не знала, что они с животными! За пятнадцать минут до отхода поезда это был единственный билет!

— И в бизнес тоже не было?

— На бизнес я не зарабатываю... Пока.

А на Луи Виттон зарабатываешь. Вот ведь как противоречива жизнь.

— Если что, Джу не кусается. И не царапается. Она там всю дорогу и проспит, скорее всего.

— У меня иррациональная фобия, — пискнула соседка, и шаблон от такой формулировки окончательно треснул по швам. — Но все равно спасибо.

Помолчала немного и добавила:

— Я Барби.

О, спасибо тебе, дух железных дорог! Ты все же послал мне разговорчивую попутчицу! А то я сначала успела испугаться, что будет всю дорогу презрительно глядеть на нас с котэ и слова доброго не скажет.

— А я Женя. Барби — это от «Барбарелла»? Или...

— Это от «Варвара», — сморщила нос соседка. — Но мне не нравится. Вся эта посконно-русская тема с красой и длинной косой... Не мое.

— Гляжу, от косы вы избавились.

У Барби было аккуратное блестящее каре, из которого не выбивалось ни волосинки. Я вот на своих кудрях такого эффекта не добьюсь, даже если буду двадцать четыре часа в сутки проводить с плойкой и феном в обнимку.

— Да. Еще в старшей школе как-то пришла домой, взяла ножницы и сама отрезала.

— Сильный поступок.

— Мне нравится решительно действовать. — Она мечтательно прикрыла глаза. — Сегодня с утра я тоже решила, что теперь у меня будет совсем другая жизнь.

— В другом городе?

— Посмотрим. — Барби улыбнулась. — Я прошла кастинг и поняла, что этот шанс просто нельзя упустить.

— Что за кастинг?

— Смотрели «Любовь на вылет»? Уже три сезона было на ТНТ...

— Нет, — я покачала головой. — Не смотрю телевизор.

— Совсем-совсем? — удивилась Барби. — Но как?

— Времени нет. — Я уже давно поняла, что если делаешь что-то, совсем непонятное собеседнику, то не стоит говорить о реальных причинах. — Учеба, работа, то да се... Как-то не получается.

— Коро-о-о-оче, — просияла она. Видно, мы нашли друг друга. Я готова была послушать, а она очень хотела похвастаться. — Самое крутое реалити-шоу последних лет! Туда приглашают миллионера, обязательно холостого, красивого и интересного, и он выбирает себе невесту. Кастинг проходят пятьдесят девушек, за месяц испытаний остаются пять, потом финал... Съемки в таких шикарных местах! Все эти роскошные бизнес-центры, дворцы вокруг Петербурга, пятизвездочные отели, балы, приемы светские... И зада-

ния участницам дают такие, с изюминкой... Не просто по подиуму пройти, бедрами повилить. Мне как раз это надоело. И я загадала — если пройду туда кастинг, то обязательно выиграю! Обязательно-преобязательно. И не придется больше для каталогов интернет-магазинов фоткаться...

— Унылое дело, да?

— Ужасно! По двенадцать часов в каком-нибудь офисе в бывшей промзоне, по пять минут на комплект одежды, потом переодеваешься, там прищепкой подколола, тут оборку подтянула, и погнали. Перерывы по пять минут раз в четыре часа. И выбираешь такая, что сделать, покурить или в туалет сбегать.

— Короче, реалити-шоу во дворце явно круче.

— Именно! Даже если с миллионером не сложится... Лицом в телевизоре посвечу, с нужными людьми познакомлюсь, и призы в финале классные! Машины, квартиры...

— В него еще надо попасть.

— В кого?

— В финал.

— Пф, — усмехнулась Барби. — Уж я-то попаду. Если только там не будет заданий с кошками, точно попаду.

— Желаю удачи, — улыбнулась я. — Сложный был кастинг?

— Ой, вообще несложный. Просто необычный. Сначала по внешности отсеивают... Там миллионер сразу дает список, что ему не нравится. Причем этот список никому не показывают. Даже не угадаешь, на что смотрят. А потом задают вопросы.

— Сколько будет дважды два?

— Не-е-е-ет... С подковыркой. Меня вот спросили, что общего у ворона и письменного стола.

— Ого! И что вы ответили?

— Because Poe wrote on both¹.

— Вау!

Барби прищурилась:

— Да-да, я из тех, кто хочет одновременно и к умным, и красивым.

— Это я уже поняла.

— Последние три года моделью работаю, и хочется уже чего-то нового. А тут мне список заданий на шоу прислали. Видно, что в этом сезоне миллионеру точно дурочки не нужны.

— Искал бы тогда уже в Оксфорде. Или он, как Винни-Пух, хочет и того, и другого, и можно без хлеба, а еще в шоу попиариться?

— Наверно, ему просто скучно стало жить, — зевнула Барби. — Вот он и решил развлечься.

Через четыре часа мы с Барби перешли на «ты», обменялись любимыми рецептами алкогольного и безалкогольного мохито, а также обсудили такие волнующие темы, как джинсы-скинни, белковые диеты, тик-ток, тайское манго, последний фильм Бондарчука и роль матерной лексики в творчестве Оксимилона.

¹ «Что общего у ворона и письменного стола?» — загадка Шляпника из «Алисы в Стране чудес». На русском языке она не имеет отгадки, потому что у нас нет такой игры слов, которая бы соответствовала оригиналу. А фраза, которую говорит Барби, — это разгадка, придуманная в свое время Олдосом Хаксли. Переводится как «Эдгар По писал на/об обоих».

Все это время Джу проспала, лишь изредка позевывая и приводя этим мою соседку в состояние осторожного ужаса. Правда, как я ни пыталась выведать, в чем причина такого отношения к кошкам, Барби отвечать не пожелала.

Иррационально — и все тут.

Перед расставанием на вокзале я даже подумала, не обменяться ли контактами — очень люблю разносторонних собеседников! — но потом прикинула, что во время съемок шоу у Барби точно не будет времени встречаться со мной, а потом еще неизвестно, кто в каком городе будет. Некоторые в наше время, конечно, называют общением редкие сообщения в соцсетях, но по мне, так это суррогат. Все равно что жареный тофу против котлеты по-киевски. Кого-то устроит и первый, но мне подавай вторую.

Когда мы вышли из вагона, на секунду мне показалось, что Барби тоже хотела обменяться номерами, но потом она скомканно попрощалась, залипла в телефон и убежала вдаль по платформе, постукивая каблучками. Даже удивительно, как ей удавалось двигаться так быстро с огромным чемоданом.

— Ну что, — сказала я, вытащила Джу из переноски и усадила себе на плечо, чтобы та осмотрелась в свое удовольствие. — Приехали!

И медленно пошла вдоль состава, чувствуя каждой клеточкой тела настороженное внимание Северной столицы.

Несмотря на то что вечерний воздух был еще теплым, я чувствовала, что его пронизывают ледяные струны. В отличие от Москвы, тут сама душа города

была жесткой, ершистой, кристаллической. Она имела четкую структуру и пыталась нанизать всех живых и неживых существ на эти незримые линии, которыми и была нарисована.

Я прикрыла глаза и на секунду представила, как будто иду по хрустальному лабиринту. Очень красивый образ, но... как-то безысходно, что ли? Я дернула плечом, чувствуя, что начинаю замерзать.

— Мяфф? — Джу покрепче уцепилась коготками за воротник свитера. — Мр?

— Давай сначала немного пройдемся куда глаза глядят, а потом уже в метро и к Инне... Хорошо?

— Мр.

— А еще тут такие булочки со сливками есть...

— Мьяаау! — мол, что же ты молчала? Бежим-бежим-бежим, где их дают?

Булочная нашлась тут же, на вокзальной площади. Джу получила свою законную вкусность со сливочной начинкой, а я взяла стакан кофе навынос и белковую трубочку. Несколько минут мы посвятили веселому чавканью и прочим чисто животным, низменным наслаждениям, а потом я набрала Инну.

— Командуй, куда ехать?

— На Горьковскую. Там минут семь от метро... Если хочешь, я могу тебя встретить.

— Нет-нет, мы сами. Ты ж знаешь, я люблю ходить по незнакомым местам.

— Только не заблудись.

— В таком случае тебе придется выпускать поискового Сигизмунда.

— Боюсь, он не оценит.

— Да? А мне кажется, ему, наоборот, понравится...

Потом мы спустились в глубокое-преглубокое и очень людное по вечернему времени метро. Доехали до Горьковской, вышли наружу в какой-то парк, и тут мне вдруг захотелось летать. Ух! Если ведьме хочется летать, то это к добру. Ей либо хорошо и спокойно, либо колесико судьбы поворачивается в правильную сторону, она сама еще этого не поняла, а настроение уже улучшилось. Я покачалась с пяток на носки, сунув руки в карманы и поглядывая на кроны ближайших деревьев. Там виднелись птичьи гнезда, шептала листва, а озорной ветер дергал ветки за шевелюру. Хвать! — и лететь прочь. Хвать! — и через миг танцевать в соседней кроне. Местный ветер был смешливый, легкий и соленый, с запахом моря.

Еще где-то вдали орали чайки и слышалась громкая музыка. А потом — бум! — раздался пушечный выстрел. Я аж на месте подпрыгнула так, что Джу чуть не улетела с плеча.

— Мяу! — возмутилась она и запустила когти мне под ключицу.

— Испугалась? — Я взяла ее на руки и обняла, прижав к груди. — Прости. В нашем-то приличном городе из пушек средь бела дня, то есть вечера, не стреляют. Нет у меня привычки к таким развлечениям.

— Мя.

— Не бойся. — Я погладила ее по щеке. Почесала подбородок. — Это они небось по воробьям палят.

И мы пошли по Каменноостровскому проспекту, разглядывая серые дома, вынюхивая летние запахи, высматривая испуганных воробьев и составляя список подворотен, куда обязательно надо будет наве-

даться. Потому что там явно пряталось что-то интересное. Или кто-то.

Город настороженно ко мне присматривался.

То тут, то там виднелись следы городских эльфов, почти в каждом окне горел огонек теплой магии домового, черные кошки сидели на перекрестках, вылизывая лапы с независимым видом и сканируя обстановку. В некоторых местах волшебства было столько, что я даже удивлялась — как это прохожие его не чувствуют. Ну, невозможно же. Это все равно что влезть в самый центр фейского круга и оставаться в абсолютном спокойствии. Но люди спешили по делам, гуляли, болтали... а волшебство оставалось где-то в стороне. Было им побоку. До лампочки.

А потом мы нашли нужный подъезд, поднялись по лестнице на четвертый этаж, расцеловались с Инной... и тут в прихожую прошествовал Сигизмунд.

Вздохнул и посмотрел на меня с абсолютно уничижительным выражением.

«Все я о тебе знаю, — как бы говорил кошачий взгляд. — И ничего хорошего от тебя не жду».

Глава 2,

*в которой его великолепное
котейшество слишком великолепен
для этого мира*

Следующее утро было солнечным и суматошным. Инна жарила сырники, я сидела на подоконнике, подвернув под себя ногу, Джу задумчиво жевала лист фикуса, а Сигизмунд показательно на кухне не присутствовал.

— Кошачий корм в кладовке, во-о-он там, воду лучше менять раза три-четыре в день... Но если вдруг не получится, ничего страшного. Сигизмунд умеет забираться на раковину и открывать кран.

— Самодостаточная личность!

— В кафешке за углом вкусные завтраки, но мы на всякий случай закупили кучу заморозки, в шкафу пакет с выпечкой — как раз сегодня утром привезли! — продукты на полке...

— Инна-а-а-а... Ты ж меня оставляешь не на необитаемом острове с задачей выжить, протянув год на непополняемых припасах. Все будет в порядке. Я умею готовить. И даже мыть за собой тарелки!

— Вот это да! Жестко с тобой обошлась Москва!

— И не говори, — кивнула я, потянула носом и слезла с подоконника.

Все-таки абсолютно невозможно невозможно смотреть, как на огромном блюде растет гора сырников, а рядом стоит банка с малиновым вареньем и сметана.

— Я только попробовать!

— Да бери сколько влезет на здоровье.

— А как же вы с Артемом?

Инна в ответ засмеялась:

— У нас кто когда хочет завтракать, тот тогда и ест. Хоть в час дня. Артем отсыпается перед дорогой, потом в самолете будет сидеть как сыч и смотреть кино. Заедая холодным сырником. А я сначала на тебе проверю, вкусно ли получилось, а потом уже сама — с чувством выполненного долга.

— Ну, как знаешь. — Я атаковала один сырник, затем второй, и оба очень быстро пали в неравной борьбе, оставив на тарелке разводы розовой малиновой крови.

Джу в это время изображала, будто она совсем не голодная, но на самом деле немного волновалась, что ее будут ругать. Проснувшись первой, она успела отыскать все домашние цветы в этом доме. И все попробовать на зуб.

Не знаю, куда смотрел при этом Сигизмунд.

Как меня прессовать уничижительным взглядом, так он в первых рядах.

А как продемонстрировать юной флорофилке законы чужой квартиры и пресечь преступление на корню, так он где-то спал небось.

— Так... — Инна уставилась в потолок, беззвучно шевеля губами. — Пароль от вай-фая я тебе дала,

пульты от телика и приставки в шкафу рядом с дисками, одни ключи у тебя, вторые у консьержки, в субботу, в десять утра, будет клининг... Будь в это время дома, пожалуйста, а то Сигизмунд их терпеть не может, мало ли...

— Слушай, — спросила я, — а он хоть что-нибудь любит?

— В смысле?

— Мы, конечно, еще не слишком близко знакомы... — я сделала паузу, тщательно подбирая слова. Надо было сформулировать как-то так, чтобы и факты не исказить, и сестру не обидеть. А то ее любовь к этому меховому патриарху была нашей семейной притчей во языцех. — Но он такой... все время порицающий. И вживую, и в твоих рассказах. То он не одобряет, это не любит. Поэтому интересуюсь, чем радовать котю в твое отсутствие.

Инна усмехнулась:

— Слушай, у него философские радости. Не мешай Сигизмунду лежать на подоконнике, не занимай его балкон, не задавай лишних неудобных вопросов, и уверяю — он будет просто счастлив.

— Счастье с приставкой «не».

— В смысле?

— В смысле, от противоположного. Не делай то и это — и успех обеспечен. Самый легко достижимый тип счастья.

— Ага.

«И самый легковесный», — подумала я.

Ладно. Ценные указания от сестры я получила. Теперь осталось только пообщаться с самим Сигизмундом. То, что разговор нам предстоит серьезный, я ни капельки не сомневалась.

Он знал о том, что я ведьма. Сто процентов.

Он точно заранее составил представление о моем характере.

И он обязательно будет расспрашивать меня о намерениях...

А вот тут вопрос, что именно ему отвечать. Не всю правду, не совсем всю правду или почти всю неправду.

Накануне вечером, когда мы с Инной сварили горячий шоколад и несколько часов подряд болтали о жизни, делясь кусочками историй, смешными случаями и воспоминаниями, Сигизмунд очень внимательно слушал. На «главной сцене» рядом с диваном его не было видно, но из-за кресла торчали очень, очень внимательные уши. И меня они смущали гораздо сильнее, чем Артем, с которым мы до этого момента виделись всего несколько часов — собственно на свадьбе. Он очень подходил Инне, они вообще похожи были на удивительно четко сошедшиеся детали пазла, и я даже на секунду засомневалась — не приворот ли. Настолько они были синхронны.

Но никакой зловредной магии или следов зелья не чувствовалось.

Видимо, просто повезло.

Встретились две половинки одного целого в этом огромном мире.

Да. Просто повезло.

Меня даже на секунду пронзила иголочка зависти, которую я вмиг осознала и тут же отшвырнула в сторону куда подальше. Еще чего не хватало. Родной сестре завидовать. Она же не виновата, что я влюбчивая, как ворона, и падкая до внешнего блеска, как сорока. Кидаюсь на все сверкающее, а потом быстро

разочаровываюсь и остываю. И тут же отправляюсь искать новую «блестяшку». Но, кстати, не сказать, что эти поиски меня утомляли... Наоборот, казались забавными.

— Эй! — Инна помахала ладонью у меня перед глазами. — Чего задумалась? Чай будешь или кофе?

— Кофе, — кивнула я. — Гигантскую кружку. Город засыпает, Женя просыпается.

Когда приехало такси, мы вместе спустились вниз. Инна хотела познакомить меня с консьержкой, а я — как можно сильнее оттянуть момент разговора с Сигизмундом. Вечно со мной так происходит: смело решаюсь на какую-нибудь авантюру, а потом, когда осознаю грядущие сложности и щекотливые моменты, начинаю трястись, переживать и волноваться. Но не отступаю. Потому что отступать — это для слабаков.

Марфа Пантелеевна оказалась суровой ворчливой старухой, которой идеально подошла бы роль вахтерши общежития в советское время, а вот в качестве современной консьержки интеллигентного сталинского дома в центре Петербурга ее довольно сложно было представить. Но поди ж ты. За пару минут я узнала, что тут нельзя хлопать дверями, сомнительные компании водить запрещается, уличных животных не прикармливать, код от подъезда — простите, парадной! — непроверенным курьерам не давать, и вообще. Надо вести себя прилично. В процессе этого монолога Инна задумчиво смотрела на потолок. А дождавшись паузы, быстро кивнула старушенции и вытащила меня за локоть на улицу. Хотя я только-только собралась открыть дискуссию о том, как определяется степень

сомнительности компании и как именно надо проверять курьера. И на что его проверять.

— Опять Марфа жизни учила? — поинтересовался Артем, запихивая пузатый рюкзак в багажник такси. — Это вы, прекрасные барышни, будите в ней лучшие чувства. Даже, возможно, материнский инстинкт.

— Упаси небо, — пробормотала Инна. — Тебя она небось не трогает.

— Не считает достойным объектом для душевных излияний. Ну что ж... Приходится как-то с этим жить.

Я обняла на прощание Инну и протянула руку Артему.

— Хорошей вам дороги.

— Спасибо!

— Покатайтесь там за меня на черепахе и погладьте пингвина. И шлите фото.

— И ты тоже шли!

— Обязательно...

Такси уехало, а я осталась стоять. Медленно прислонилась к шершавой стене дома, не задумываясь о том, как после этого будет чувствовать себя белая футболка, сунула руки в карманы джинсов и принялась оглядываться по сторонам. Сначала ничего не происходило. По мостовой шелестели шины автомобилей, прохожие шли медленно и будто пританцовывая — совсем не так, как в Москве, с карниза дома напротив на меня настороженно глядела ворона, поводя туда-обратно клювом. Пахло слойками с корицей, призраком ночного дождя, чуть-чуть — цветами, чуть-чуть — рекой, далеким морем и близкими масляными красками из магазина для художников. Минут через пять, когда я окончательно расслабилась и «слилась с пейзажем»,

из подвального окна — наискосок через улицу — появилась худая пятнистая морда. Зыркнула на меня горящими глазами и скрылась обратно. В окне под крышей соседнего дома дрогнула занавеска. Пусть ее не отдернули... но явно дали понять, что наблюдают за мной. Из подворотни слева просочился на улицу городской эльф и с независимым видом встал, глядя вроде как на проезжающие машины и копируя мою позу.

— Привет, — беззвучно сказала я, не поворачивая головы. — Я к вам ненадолго.

Он помедлил... потом ответил звонким, чуть надтреснутым голосом у меня в голове.

— Привет. В гости или по делам?

— Сначала в гости. Насчет дел... еще не решила. Подскажи, с кем советоваться, если...

И едва эльф меня перебил, как я поняла, что сама знала ответ.

— С Сигизмундом. Это кот.

— Знаю.

— Он тут из главных.

— Ясно.

Я опустила глаза и принялась перебирать пальцами бахрому на модно надорванном кармане джинсов. Надо было идти обратно. Раньше заговорим, раньше расставим точки над «і». Скорее всего, Джу уже навела мосты... по-своему, по-кошачьи, нежно и деликатно, как только она умеет. Я вот точно так не смогу никогда! Язык мой — враг мой, сначала говорю — потом думаю, сначала бегу — потом задумываюсь, куда именно. Ладно, пора и...

Тут раздался визг тормозов, звон и крик. Даже не разберешь, человеческий или нет. Но я и не разби-

ралась... не успев даже подумать, что именно делаю, рванула на проезжую часть, широко, с оттяжкой, крутанула колесо времени и успела-таки выдернуть из-под колес пятнистую облезлую кототварь. Костистую, худую, испуганную, с большими желтыми глазами и без левого верхнего клыка.

Это у меня фотографическая память в моменты крайнего напряжения и крайней опасности, чтоб ее.

Потом ночами, в моменты бессонницы, перебираю в уме эти «фотокарточки». И никак не получается их стереть, забыть, сделать хотя бы чуть-чуть потусклее.

Снова визг тормозов, звон, ругань водителя... Я перекатилась через плечо, прижимая ободранную кошку к груди, и оказалась на противоположном тротуаре. Выдохнула, подняла голову и сдула с носа прядь волос.

В это мгновение мне показалось, что за спиной кто-то стоит и смотрит... Нет, прямо-таки сверлит злым взглядом, пытаюсь проникнуть до самого нутра, вывернуть наизнанку, вскрыть, как консервную банку.

«Зачем ты явилась и что замышляешь?»

Я вздрогнула и резко обернулась.

Сзади никого не было.

Я медленно опустила на асфальт спасенную кошку и встала, вытирая потные грязные ладони о подол футболки. Дернула плечом, отводя от себя взгляды зевак, которые, как это обычно бывает, глазели на воткнувшуюся в бетонный ограничитель машину. Из нее уже выбрался водитель, дрожащими пальцами тыкал в телефон и цедил сквозь зубы ругательства.

Веселые декорации, что и говорить, но с меня хватит. По крайней мере, на сегодняшнее утро.

Когда я вернулась в квартиру, в прихожей меня никто не встречал.

Это было непривычно. Почему Джу не почувствовала, что я близко? Она обычно устраивалась на коврике рядом с дверью и начинала ждать задолго до того, как я поворачивала ключ в двери.

И неожиданно. Почему Сигизмунд не спешил выяснять подробности у того, кто не успел приехать, как уже поучаствовал в дорожном инциденте прямо под окнами дома? Я не сомневалась, что ему уже рассказали о происшедшем. Или расскажут в ближайшее время.

Я склонила голову набок и прислушалась. В квартире было тихо-тихо. Даже слышно было «кап-кап» из неплотно завернутого крана на далекой кухне.

Ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Я нагнулась и медленно расшнуровала кеды. Пальцы все еще дрожали, болела поцарапанная ладонь, ныло ушибленное при кувырке плечо. Я пошла в ванную и уставилась на свое отражение в зеркале. Убрала со лба прядь, которая вечно выбивалась из прически, чем ее ни фиксируй — ни заколки, ни лак не спасали. Если бы не красные пятна на щеках и сузившиеся зрачки, даже и не скажешь, что кому-то пришлось поволноваться, покувыркаться и поколдовать всего несколько минут назад. Я умылась холодной водой, передела футболку и отправилась на поиски Джу.

Она сидела на кухне и сосредоточенно грызла гигантский стебель кошачьей мяты.

— Джу, ты чего меня не встречаешь?

— Мяффф... — так получилось. Прости.

Я осторожно оглянулась. Сигизмундовых ушей поблизости видно не было, но я все равно перешла на шепот, на всякий случай:

— Вы поговорили?

Джу задумчиво уставилась на потолок. Кончики ушей у нее подрагивали. Медленно кивнула.

— И как успехи?

Джу дернула хвостом. Это как если бы человек пожал плечами. Жест, который может означать что угодно. Что угодно неопределенное.

Я вздохнула:

— Он не захотел с тобой разговаривать?

Джу повернула голову и оскорбленно уставилась на меня. Мол, не захотел разговаривать? Это со мной-то? С самой милой тискательной плюшевой кошкой в этой квартире и всех сопредельных вселенных?

— Тогда почему...

Джу отвернулась. Снова дернула хвостом.

Понятно.

Когда она в таком молчаливом настроении, ее не разговоришь.

При том что Джу всегда меня поддерживает, восхищается, утешает, трогает лапой, греет теплым боком, отгоняет ночные кошмары и готова хоть в огонь, хоть в медные трубы — и даже в воду, если уж очень понадобится, — она всегда себе на уме.

Не захочет говорить — не будет.

Превратится в пушистую «вещь в себе» и будет загадочно молчать. И это не манипуляция. как у некоторых людей, которые держат паузу в надежде, что их начнут расспрашивать, интересоваться делами, дергать, толкать в бок и всячески одаривать вниманием.

Если моя котя молчит, значит, она действительно хочет побыть в тишине.

Поэтому я вздохнула и отправилась на поиски Сигизмунда.

Он обнаружился в противоположном конце квартиры. Сидел на мягком диване перед выключенным телевизором и выглядел так, как будто смотрит новости мировой политики и криминальную сводку в одном кадре.

Я села рядом, положила сцепленные в замок пальцы на колени и сказала:

— Ну, привет.

— Привет, Евгения, — официально отозвался Сигизмунд. На удивление не стал держать паузу. — И чего тебе дома не сиделось?

— Ты не поверишь! Приехала присматривать за тобой!

— Это кто еще за кем в итоге присматривать будет, — вздохнул кот.

— Слушай. Мы оба знаем, что ты прекрасно прожил бы тут и без людей. Просто Инна волнуется, и ты ее не хочешь расстраивать. И что? Ты недоволен, что именно я решила тебе подыграть?

— Слушай, а давай оба хотя бы не будем делать вид, что ты прибыла сюда из альтруистических побуждений? Якобы для помощи коту, которого до этого видела от силы пару раз и не проявляла никакого желания познакомиться поближе.

— Ну, я о тебе наслышана.

— А я — о тебе. Именно поэтому мне хочется выяснить сразу, почему ты здесь. Чтобы потом сюрпризы не разгребать.

И Сигизмунд посмотрел на меня так, как будто видел насквозь. Пфф. Хотя что он там может разглядеть и понять? Если я сама себя иногда не до конца понимаю.

— Кажется, ты предвзят.

— Нет, просто хорошо информирован.

— И что же говорят твои информаторы? — не знаешь, что сказать, просто отвечай вопросом на вопрос.

— Что типичное состояние Евгении — получать от жизни удовольствие, тусуясь со старыми друзьями, знакомясь с новыми людьми и попадая во внештатные ситуации разной степени тяжести. Бары, пьянки, гулянки, ночные клубы, прыжки с парашютом, забраться на шпиль МГУ и в заброшенный коллайдер в Протвино, дискотека на восемьдесят втором этаже в Москва-Сити, сломанный лифт там же, закрытые вечеринки, музыка в стиле underground... Так, кажется, выглядела твоя жизнь в прошлом месяце?

— Ты забыл ночевку в поезде метро, уехавшем в тупик. И подготовку к сессии! Я прилежно учусь, между прочим.

— Прилежно списываешь.

— Это такой способ учебы. Пока списываю — запоминаю.

— Короче, — ухмыльнулся Сигизмунд и встопорщил усы... — Евгения в своем типичном состоянии не едет в другой город просто так.

— Помогать сестре, эй! Ты не веришь в мои родственные чувства?

— Прости, нет. Инна даже не знает о том, что ты ведьма... крайняя степень доверия между родственниками, угумс.

А вот это было больно. Да, я берегу родных и ничего им не рассказываю о своей... хм, тайной стороне жизни. Но, кстати, с детства-то ничего не изменилось. В пять лет мне уже казалось, что сообщать папе, маме и сестре во время отдыха в Кисловодске, как мы с друзьями лазили на развалины деревянного павильона, чтобы проведать кошку с котятами, проломил ветхие доски, свалились орущей кучей в дыру в подвал и полдня выбирались наружу — плохая идея. Потому что потом никуда меня гулять с друзьями не пустят. Так и в пятнадцать лет, когда я стала различать шепот звезд и видеть тени домовых, интуиция подсказала мне — молчи.

Кто знает — тот знает. Компания для похода за котятами или для небольшого шабаша всегда найдется.

А кто не знает — пусть спит крепче. А то волноваться начнет и окружать меня лишней заботой... Которую я терпеть не могу. Душит.

Хотя... если честно, то иногда я жалела, что Инне толком ничего не расскажешь. Мы здорово отделились друг от друга, когда она уехала из родительской квартиры, а потом я сама отправилась в Москву.

Тут Сигизмунд попал по больному. Но у меня было чем ответить.

— Та же самая Инна не знает, что у нее не просто кот, а его великолепное котейшество Сигизмунд из рода владык, который знается с эльфами, фэйри и домовыми и держит тут в страхе весь район... И ни за что не поверю, что в ее отсутствие ты всегда просто так спишь на своей уютной лежаночке. Небось вершишь судьбы отдельно взятого города?

— Все так. И еще мир на досуге захватываю потихоньку.

О, а у Сигизмунда есть чувство юмора!

— Что ж ты Инне об этом не рассказываешь?

— Некоторые вещи людям лучше не знать.

— Рада, что мы с тобой в этом сходимся.

— Евгения, — вздохнул Сигизмунд. — Ты отлично заговариваешь зубы. Временем на коротких отрезках тоже оперируешь неплохо, как я успел заметить...

— Ты видел, да?

— Наблюдал почти из партера. То есть из окна.

— И как тебе мой бросок?

— Зачем. Ты. Сюда. Приехала?

Я закусила губу и посмотрела на потолок. К сожалению, там ничего не показывали. Даже самого что ни на есть миллипусечного видеоруководства на тему «как не отвечать на неудобные вопросы».

— Давай я сформулирую вопрос по-другому, — продолжал наседать Сигизмунд. — Послезавтра двадцать первое июня. День летнего равноденствия. Цветущий папоротник и прочие побочные эффекты. Чего мне ожидать от тебя в этот день?

— Я на кастинг собралась, — неожиданно даже для себя самой ответила я. Первое и самое дурацкое, что пришло в голову.

— Что-о-о? Какой кастинг?

— За миллионера замуж хочу выйти. Ну или там машину или квартиру выиграть.

Сигизмунд медленно поднял лапу и осторожно потрогал ею свою морду. Раз, другой...

— Что ты делаешь?

— Проверяю, не забыл ли я, как делается фейспалм. А то, чувствую, этот жест мне скоро понадобится. Потому что самое ужасное... кажется, ты не врешь.

Ну да, не вру. А что. Схожу на кастинг, если он еще не закончился. Там меня небось сразу же отсеют по внешности. Но хоть развлекусь. И Сигизмунд заодно с дурацкими вопросами отстанет. Сплошная выгода!

— Ты просто знай, — проворчал он с такой интонацией, будто мир его в очередной раз разочаровал. Вот почему, почему этот несовершенный мир не может быть таким великолепным, как сам Сигизмунд? — Знай, что я, если что, тебя спасти лишний раз не буду.

— От кого? — прыснула я. — От операторов? Режиссеров шоу? Ой, от самого миллионера? А то вдруг покусятся на мою девичью честь...

— У тебя же подруги-ведьмы здесь есть? — продолжал гнуть свою линию кот. — Ты им обязательно расскажи, что ты здесь. А еще лучше — сходи к кому-нибудь из глав ковеннов. На всякий случай.

— Ага, аж три раза с половиной. Чтобы еще они поучили меня жить. Как будто мне одного котейшества не хватает для этого.

— И все же свяжись с ними, — прошипел кот, слезая с дивана. Мол, аудиенция закончена.

Я кивнула, глядя ему в спину, и невольно улыбнулась.

Один-ноль, господин Сигизмунд. В мою пользу. Еще посмотрим, кто кого.

Глава 3, *в которой я прохожу, но вовсе не по улицам города*

Теперь оставалось только одно. Выяснить, продолжается ли до сих пор кастинг на это дурацкое шоу. Если да, то записаться на него и потерять несколько часов жизни на имитацию бурной деятельности по завоеванию миллионеров. А если нет, то очень натуралистично расстроиться, что все пропустила, и спокойно гулять по городу следующие две недели.

Кстати, спасибо Сигизмунду за напоминание. К так называемым «старшим подругам», опытным ведьмам, я точно не собиралась с визитом вежливости. А вот с парой приятельниц своего возраста я бы встретила за чашкой травяного зелья! Все же, как ни крути, приятно иногда поболтать с теми, кто знаком с твоей темной стороной жизни. И Джу будет полезно развеяться! А то ей что-то питерский воздух не на пользу пошел.

С самого утра она как ушла во внутреннюю кошачью Монголию, так из нее и не вернулась. Все же я сделала попытку ее расшевелить:

— Джу-у-у! Пойдешь со мной в кафе?

Ноль реакции.

— А в ресторан? Роскошный ресторан?

Нет ответа.

— А в рюмочную-угрюмочную?

Полное отсутствие энтузиазма.

— А...

— Евгения, — рядом со мной материализовался очень нахмуренный Сигизмунд. И очень лохматый. Вся шерсть дыбом. В таком амплуа он напоминал взъерошенного злого домового, который случайно попал в криосон вместе со своим домом, а потом его разбудили через пару сотен лет на потеху туристам. — Евгения. Неужто обязательно ТАК кричать?

— Как «так»?

— Громко!

— Даже не знаю, что тебе ответить. А как мне иначе связаться со своей кошкой, которая где-то в соседней комнате? Телепатически? Если ты считаешь, что я это умею, то ты слишком хорошо обо мне думаешь. Польщена, не скрою.

— Могу предложить как минимум два альтернативных способа действий, — вздохнул Сигизмунд. — Если ты уважаешь правила этой квартиры, то ты встанешь, идешь, находишь Джу и тихо, размеренно, не сотрясая воздух, высказываешься. А если ты уважаешь своего фамильяра, то после первого же раза без ответа понимаешь, что иногда молчание — это значит «нет». И перестаешь орать.

— Воу-воу-воу! — возмутилась я. — Еще ты меня будешь учить с Джу разговаривать!

Встала и вышла из комнаты.

Ну просто слов нет.

Если он всю дорогу будет так занудствовать, то проще дома совсем не появляться. Ну и пожалуйста. Не очень-то и хотелось.

Я подхватила сумочку, надела босоножки — так хотелось побыстрее сбежать отсюда, что даже завязывание шнурков на кедах казалось слишком долгим, — крикнула «Пока!» и вылетела из квартиры. Даже слегка хлопнув дверью.

Самое обидное, что Сигизмунд был в чем-то прав. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Если бы ко мне явились гости, я бы тоже хотела от них, чтобы соблюдали правила. Как минимум не смели есть мои булочки с корицей и не шныряли по балкону, где я сушу травки. Но — ааа! — как же он наставительно и морализаторски вещает! Просто не кот, а какое-то ходячее белое пальто. Невозможно, просто невозможно его спокойно выслушивать и не беситься.

Тут на улице еще и обнаружилось, что начинается дождь. А возвращаться за зонтом было просто выше моих сил. Поэтому я добежала до ближайшего кафе, внутри которого виднелись свободные столики — та еще редкость в обеденное время! — успев по дороге промокнуть и замерзнуть. Отлично, просто отлично. Оставалось надеяться лишь на то, что горячий суп и горячие сэндвичи с ветчиной и сыром меня спасут.

Пока несли суп, я достала смартфон и почитала немного про эту самую «Любовь на вылет». Правда, ни с первого, ни со второго раза не удалось отыскать информацию про кастинг, зато бесконечные фотосессии участниц прошлых сезонов, угарные заголовки, потрясающие откровения и прочий исключительно «желтый» контент изливались с экрана щедрой циф-

ровой рекой. Весенним полноводным разливом. Велика была опасность так и утонуть в нем, но я, стиснув зубы, выплыла и на задворках сайта съёмочной группы обнаружила все же ссылку на кастинги.

Всего их было двадцать — в разных городах, — и девятнадцать уже благополучно закончились. Остался последний, «доборочный». Который должен был состояться двадцатого июня, то есть завтра, в бизнес-центре в четырех станциях метро отсюда. Добираться полчаса. Форма записи самая простая. Имя, телефон, фото. Я сделала подчеркнуто серьезный вид, хмыкнула, поставила сама себе рожки, щелкнула селфи и отправила заявку. Вот. Пусть теперь какое-нибудь пушистое белое пальто на ножках осмелится сказать, что я обманная ведьма!

А завтра, в десять утра, я стояла в холле бизнес-центра с пачкой анкет в руках и чувствовала себя липутом в стране Гулливеров. Какого роста у нас среднестатистическая модель? От ста семидесяти двух сантиметров по европейским стандартам. Какого роста у нас Женечка? Сто шестьдесят, считая вместе с подошвой. Идеально причесанные и покрашенные красавицы удивленно косились на нечто рыжее, безбожно кудрявое, ростом им по плечо, с пенными усами от свежевыпитого капучино, в драных джинсах и футболке с Дитой фон Тиз. Нет, я даже честно выпалась, чтобы не блистать кругами под глазами, накрасила губы и припудрила носик. Но я точно знаю, что ни одно из косметических ухищрений никогда не добавит мне пятнадцать сантиметров роста и не сделает черты лица более правильными. Так что пренебречь обстоятельствами, будем вальсировать как есть.

Очередь шла довольно быстро. Претенденток запускали по десять-пятнадцать в небольшой зал с зеркальными стенами. Некоторые выходили почти сразу. Другие задерживались минут на пять-десять. Я уже заполнила анкету и развлекалась, представляя, какие именно вопросы им задают там, внутри.

Что такое зеленое, и красное, и кружит, и кружит, и кружит?

Что у меня в карманцах?

Не лает, не кусает, а в дом не пускает?

Меня же вызвали в тот момент, когда я пыталась скрестить в уме знаменитую загадку сфинкса про количество ног и песню про старый клен. Поэтому на кастинг я заходила, бормоча под нос:

Сколько ног, сколько ног постучит в мое окно,
Призывая собираться на прогулку?
Если утром стучать, их четыре будет, но...

Мимо меня в коридор протиснулась девушка. Я не успела толком рассмотреть ее лицо, но краем глаза заметила прикольный кожаный рюкзачок на плече.

— Доброе утро! — поздоровался с нами лысоватый блондин с папкой бумаг и таким цветом лица, как будто он не спал уже трое суток. Быстро окинул взглядом всех, кто только что вошел, посмотрел на памятный список в руке:

— Мария, Алла и Евгения, останьтесь, пожалуйста. Остальные свободны, спасибо за то, что пришли!

И я даже сразу не поняла, что Евгения — это, оказывается, я.

Интересно, там в требованиях миллионера к внешности участниц так и сказано: рыжие пигалицы сразу попадают в следующий тур отбора вне конкурса? Ничем иным я не могу объяснить тот факт, что меня не выперли сразу. Подальше с глаз долой. Или, может, у организаторов кастинга есть что-то личное по отношению к красивым девушкам? Может, они просто хотели посмотреть на выражение лиц тех, кто уходил сейчас из зала? И смотрел на меня так, будто я буквально недоеденный пирожок изо рта у них вырвала...

— Итак, — продолжил усталый блондин, пошелестев бумагами. — Я сейчас задам вам два вопроса. Над ответами можно думать не более пяти минут. Потом мы распрощаемся, а о результатах кастинга мы вам сообщим.

— Если вы пройдете, разумеется, — добавила девушка с ноутбуком. Она забрала у блондина папку и принялась забивать наши данные в какую-то форму. — Если не пройдете, то не позвоним.

— Отвечайте не сразу, а когда я скажу, — пробормотал оператор, настраивая камеру. — Под запись. Погромче. Тут микрофон го... так себе.

Я посмотрела краем глаза на Аллу и Марию.

Одна была похожа на астеничного эльфа-альбиноса, к которому приделали чужие глаза. Черные, большие, навывкате и очень-очень злые. Воздушное создание со взглядом василиска.

Вторая — как будто высечена из камня. Очень правильное лицо с четкими линиями, острый подбородок, высокие скулы, серебристые волосы... Идеальная скульптура с весьма решительным выражением лица.

Никакой показной скуки, которую демонстрировало большинство участниц еще в коридоре.

— Итак, первый вопрос один на всех. Зачем вам участие в этом шоу? Александр хотел бы знать, что лично вас побудило прийти на кастинг...

Ага, то есть миллионер у нас Александр. Я, конечно, молодец. Рвусь тут на отбор в невесты к чуваку, имя которого даже не соизволила запомнить до этого момента.

— Конверты со вторым вопросом Ангелина сейчас вам раздаст. Обдумываете ответ сразу на два, как будете готовы — мы вас снимаем. Все понятно?

Я молча пожала плечами и взяла конверт. Разорвала его сбоку, вытащила листок из плотной бумаги и прочитала: «Лампа ... света».

Хм.

И что с этим делать?

Подобрать пропущенное слово?

Или просто дефис поставить? А что. Лампа-Света. Нормальное имя такое. Для форума ведических жен. Просветляет и наставляет всех страждущих. Учит носить юбки в пол и получать животворящую энергию прямо от земли.

Может, надо было приходить в юбке? И на каблуках, во. Тогда бы я меньше отличалась от основной массы претенденток. Может, драные джинсы и кеды — это миллионеров фетиш? Так и написал в требованиях: «Если кто в джинсах с дырками явится, на лицо не смотрите, сразу допускайте в следующий тур...»

— Вы готовы?

Я растерянно подняла глаза на оператора.

— А что, уже пора?

— Мы же дали вам инструкции! — Девушка уже отложила ноут в сторону. Она сидела, постукивая карандашом по колену, и выглядела очень раздраженной. Хотя я ее понимаю. Двадцать кастингов подряд. На каждом спрашивать про ворону и письменный стол. Это ж свихнуться можно. Работа не для слабо-нервных.

— Дали-дали, — ласково ответила я. Примерно тем тоном, которым разговаривала с Джу, когда она была в печали. а я забыла купить вкусняшек. — Снимайте. Прямо в камеру говорить, да?

— Нет, — почему-то вдруг развеселилась девушка. — Можно в потолок. Или вообще спиной повернуться.

Я посмотрела на вспыхнувший красный глазок над объективом, заправила волосы за ухо и торжественно проговорила:

— В этом шоу я решила принять участие, чтобы кот моей сестры не разочаровался во мне. А лампа... — Я опустила глаза и еще раз перечитала слова на бумажке. Если бы я собиралась выигрывать, то даже подумала бы: сколько тут существует правильных ответов? И какие? Но выигрывать я не собиралась, поэтому сказала первое, что в этот момент пришло в голову: — Лампа невидимого света. Ну, я пошла?

— Спасибо, — кивнул блондин, не глядя на меня. — Мария, теперь вы. Готовы?

Когда я выходила из зала, «каменная» девушка приводила уже пятую причину для своего участия в шоу. Вдумчиво подошла к вопросу, не то что некоторые.

На улице было холодно, ветрено, но очень солнечно. Я даже пожалела, что не взяла с собой темные очки... Как-то не пришло в голову, что в Петербурге они понадобятся. Сунула руки в карманы и зашагала по бордюру — простите, поребрику! — подпрыгивая в такт считалочке:

Джек и Джилл пошли на горку
За водой с пустым ведром.
Джек упал — бум, кверху носом,
Джилл свалилась кувырком...¹

Ветер забирался под футболку и хватал за бока холодными руками, в голове было пусто и весело. Впереди по плану — Петропавловская крепость и мосты-мосты-мосты. Не успокоюсь, пока не обойду хотя бы три десятка. Я улыбнулась стремительно проносящемуся над головой облаку и решила, что начало дня удалось.

Даже подумала, что стоит купить по дороге домой Сигизмунду что-нибудь вкусненькое. В конце концов, если бы не он, опыта такой авантюры у меня бы не прибавилось. Так что спасибо его великолепному копейству. Удружил.

С мостами в Петербурге дела обстоят весьма интересно. Можно сразу брать количеством, а не качеством. То есть, конечно, когда через Неву переходишь, это происходит долго, торжественно и величественно. Но если надо быстро перебежать с одного берега узкого канала на другой, это тоже считается! А уж если маленьких мостов целых семь в поле видимости... Как тут устоять?

¹ Перевод автора.

На самом деле мне давно хотелось побывать там. В каждом городе есть несколько точек, которые считаются местами силы, некоторые из них действительно такими являются, и это не плод воображения экскурсоводов!

Несмотря на то что все детство я прожила в Петербурге, сейчас я чувствовала себя так, как будто открывала его заново. Как настоящая туристка. Все потому, что до отъезда в Москву моя волшебная сущность еще толком не пробудилась. Просто гулять по улицам... и медленно ходить по ним, чувствуя дыхание домов, вслушиваясь в голос ветра и шепотки духов, — это совсем разные вещи. Поэтому за то время, что я прожила в Москве и проросла в нее всем сердцем, родной Петербург стал казаться мне просто картинкой в книге.

Чертежом из прошлого.

Схемой на карте.

Стоп-кадром из фильма.

Не самым любимым воспоминанием.

Я помнила только, что мне было почти всегда холодно, с начала осени по конец весны — вечные простуды, я ненавидела узкие тротуары, по которым после снегопада прохожие могут идти только гуськом, в дворах-колодцах мне было темно, скакать через лужи — мерзко. Сначала я воспринимала это как должное, а когда подросла, стала буквально жить от лета до лета, когда мы всей семьей выбирались на юг. Туристы меня бесили, а красоты архитектуры не впечатляли. Так что в телефонном разговоре с Инной я вполне искренне говорила, что не понимаю и не люблю этот город.

Но стоило приехать, как я начала оттаивать.

Хотелось как можно чаще выходить из дома вместо того, чтобы сидеть весь день с ноутбуком. Хотелось превращать блеклые воспоминания в яркие слайды. А еще, конечно, очень хотелось проверить, правду ли говорят про некоторые места на карте... будто там столько магии, что готовь большую ложку, если ты ведьма! Ну, или беги прочь со всех ног, если сила окажется тебе враждебной.

Именно с такими мыслями я пришла в Семимостье. Место, где на перила вешают замочки, загадывают желания и фотографируются. Я остановилась на точке, откуда лучше всего были видны все семь мостов, вытаскала из кармана смартфон и крутанулась на месте, снимая панораму. Классный пост для Инстаграма получится! Быстро залила видео в сторис, даже не прогоняя через фильтры, и замерла, не донеся телефон до кармана.

Это было удивительное ощущение, как будто на тебя смотрят десятки глаз, со всех сторон. Как будто ты муха, застывшая в янтаре. Бабочка, прищипленная к центру города тончайшими хрустальными иглами. Как будто я вдруг попала в центр гигантского кристалла, туда, куда сходятся все лучики света, преломляясь и дробясь о его грани. Город смотрел на меня со своих мостов, со своих каналов и крыш, со своих антенн и фасадов. Я даже на секунду почувствовала — так ясно, что по шее поползла ледяная капля пота, — как сфинксы над Невой приподнимаются на постаментах и оборачиваются. Чтобы все как один посмотреть на меня. Мышцы перекачиваются под каменной кожей, провалы гранитных пастей сочатся чернотой, в глазах загораются огоньки.

Тут у меня закружилась голова. Оказывается, я забыла, как дышать, и воздуха уже просто не хватало. Я всхлипнула и закашлялась, согнулась, хлопнула себя по коленям... Вытерла слезы — просто уж очень ветрено и пыльно на мосту! — распрямилась и улыбнулась во весь рот. Раскрыла объятия Петербургу и прошептала: «Привет! Я вернулась, по-настоящему вернулась! Ты рад?»

В ответ прямиком мне на нос спланировал маленький цветочек... Я схватила его и стала рассматривать. Вот это да! Сирень! Семилепестковая, суперсчастливая.

— Ты откуда прилетел? — спросила я и погладила крошечные фиолетовые лепестки с белой каймой. — Из ботанического сада? С Елагина острова?

Но цветочек не отзывался. Просто лежал себе и всем своим видом манил, как Алису: съешь меня! Срочно съешь меня! Счастливые цветы едят, а потом сбываются желания!

— Спасибо, — прошептала я городу, сунула цветок за щеку и отправилась дальше. Даже не успела толком загадать желание. Только подумала: вот бы завтра все удалось...

Но не успела толком обдумать эту мысль, как звякнул телефон.

Сообщение в Инстаграме.

«Жень! Ты тут, что ли?» И подпись: Zinchik

Дааа! А вот и отличное продолжение дня.

«Тут! Ты где-чего? Пересечемся?»

«Я как раз в центре! Приди же ко мне в объятия!»

«Уже бегу! Куда?»

«В «Север» на Адмиралтейской».

«Буду через полчаса».

«Йеcccc».

Зинчик — мой гид в мир волшебного. В детстве мы вместе уходили в индейцы с одеялом, двумя бутербродами и зажигалкой. В школе вместе мазали доску парафином, и мне даже доставалось за это чуть меньше, потому что я была в третьем классе, а она уже в пятом. А когда она почуяла, что я ведьма, то достала из сумочки свой первый амулет, подкинула его на ладони и сказала: «Ничего другого я не ожидала! Снова будем угорать вместе!»

И мы угорали.

И люто, люто получили тогда по ушам. Тоже вместе.

Через полчаса мы встретились, расцеловались и чинно, как приличные леди, уселись за столиком в кафе. Взяли фирменные пирожные в бисквитно-ореховой обсыпке, корзиночки и по огромной кружке капучино... Взамен, правда, пришлось оставить на прилавке совесть, потому что иначе при взгляде на жирный масляный крем в голове автоматически начинал зашкаливать счетчик калорий и загоралось «код красный!» Опасность, опасность, можно потолстеть! Ибо все эти анекдоты про худых и прекрасных ведьм, пожирающих торты один за другим и не набирающих при этом вес, к действительности отношения не имеют. А жаль!

Зинчик оказалась все такая же, как несколько лет назад. С длинными руками и ногами, острыми коленками, огромными глазищами и тоненькой косичкой на одну сторону она ужасно напоминала стрекозу. Так что в комплекте с именем «Зина» участь ее была

предопределена сразу. Зинчик-зинчик, сядь на мизинчик! Кстати, любителей повторять шутку больше одного раза она очень быстро перевоспитывала. Просто с размаху прыгала на них. Куда-то в район мизинчика. В результате иногда получались ушибы и сломанные пальцы, но зато шутить жертвы сразу переставали.

И в этом весь Зинчик. Стремительная, безбашенная и очень быстро переходящая от слов к делу. Я в сравнении с ней — образец спокойствия и благоразумия. Даже подумала на мгновение, что можно в воспитательных целях зазвать Зинчика в гости. Чтобы Сигизмунд наглядно убедился в том, что я на самом деле просто подарок и воплощенная адекватность.

— Ну и как оно в целом? — спросила Зинчик, облизывая пену с ложечки.

— Местами весело, — я пожала плечами. — Изображаю бурную деятельность. Коллекционирую людей. Отрываюсь, когда все остальное достанет. Потом по новой.

— Продолжаешь торчать там, куда тебя запихнули родители?

— Ну.

— До диплома собираешься терпеть?

— Пока я там учусь, они не лезут в остальные дела.

— Думаешь, полезут, если решишь переводиться?

— Как ты себе это видишь? Мама, папа, я хочу быть этнографом, психология — унылая дрянь?

— Например.

— Я не пересдам нужные экзамены. Да и не хочу волновать предков. Если что, потом изучу на практике.

— Тебе не жалко... времени? — Зинчик специально выделила последнее слово. Потому что знала, какие у меня болевые точки, угу.

Каждая ведьма имеет плюс-минус одну и ту же базу. Видит магию, немного манипулирует вниманием людей, чувствует необычные растения и предметы, умеет из их сочетаний получать амулеты. А вот дальше уже начинаются различия, у кого к чему душа лежит.

Моя душа лежит как раз ко времени. Я умею заглядывать в будущее. Иногда чуть дальше, иногда поближе... Как с той кошкой под колесами автомобиля. Я настолько четко вижу грядущие события, что могу замирать в потоке секунд или даже возвращаться на пару шагов назад. Ну или это все время сдвигается обратно вокруг меня... Толком не знаю. И честно говоря, не хочу знать. Потому что любая ведьма как бы сороконожка. Та самая сороконожка, которая отлично бежит, пока не задумывается о порядке движения ног, а как только ее спросили об этом, тут же запуталась и упала.

Когда я ни о чем не задумываюсь и безоговорочно верю интуиции, все идеально складывается.

А вот когда размышляю о теории происходящего и подбираю основания для поступков — что своих, что чужих, — ничего нормально не выходит.

Поэтому я ответила:

— Иногда жалко. Иногда — совсем нет.

И поспешила перевести разговор в другое русло:

— А ты сама как?

— Не поверишь. — Зинчик пригладила выбивающиеся из прически волоски. Пальцы у нее дрожали... Или мне показалось?

— И чем же ты меня таким хочешь поразить?

— Я подумала, что в одиночку... сложно. И теперь я в ковене.

Дааа. Я даже отставила в сторону кружку с кофе, чтобы не поперхнуться от удивления.

— Ты? В ковене?

— Скажи, неожиданно?

— Кто ты такая и что сделала с Зинчиком?

— Вот. Именно этой реакции я и ждала.

— Тебя заставили? Шантажировали? Если ты не можешь говорить, то просто моргни два раза! И я буду думать, как тебя спасти!

У меня было ощущение, что привычный мир пошатнулся. Солнце заходит на западе, предметы падают вниз, Зинчик никогда не слушает взрослых. Эй, что случилось-то, а?

— И если ты надолго, — она нагнулась ко мне через стол и ухватила за руку горячими ладонями, — то давай я тебя познакомлю со Стеллой. С нашей главной. Лишним не будет...

— И ты туда же! — Я не выдержала и вскочила из-за стола. — Ладно коты меня жизни учат... Но ты!

Зинчик усмехнулась:

— Может, я просто хочу тебя спасти?

— Знаешь что... я как-нибудь сама разберусь, надо ли меня спасать. И если надо, то от чего, — твердо сказала я.

— Или от кого.

— Именно.

— Хорошо. — Зинчик пожала плечами и закинула косичку за спину. — Тогда я молчу об этом.

— Ок!

Некоторые люди жить не могут, пока перед ними не извинились или не сказали, например, «ой-ой, я больше не буду». Ходят и дуются. А мне, честно говоря, все равно, кто там что сказал. если это не подкрепляется фактами. Зато если подкрепляется... Если вместо красивых слов и расшаркиваний Зинчик просто перестанет компостировать мне мозги — то и ладно.

И следующий час мы провели за волнующей беседой: о странных встречах и находках и о новых землях — особенно интересно было похвастаться теми, которые получились не так, как надо. Живая вода, случайно получившаяся вместо мертвой, неизменно бодрит. Впрочем, обратная ситуация бодрит еще сильнее.

Мы ржали, перебивали друг друга, взяли еще по пирожному — теперь буше, — в лицах изобразили свои последние удачные и неудачные свидания, обсудили мужчин — ну, куда без этого! — и окончательно убедились в том, что время прошло, а наши шестереночки души все еще отлично цепляются друг за друга.

Тут в окне медленно прошли люди в белых балахонах.

Я аж кофе поперхнулась.

— Это что, ритуальная процессия прямо вот посреди города, не скрываясь?

— Не-е-е-ет, что ты, — Зинчик презрительно скривилась. — Это экскурсия «Мистический Петербург» или что-то вроде того. Чуваки считают, что если на туриста надеть балахон, то половина дела сделана. И можно не заморачиваться действительно интересным маршрутом, достоверными фактами и прочей «ерундой».

— Хм, — сказала я, прищурившись.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросила Зинчик невинным тоном. Если бы ее слышали те, кто уже когда-либо успел пострадать от ее игривого настроения, то они бежали бы сейчас, позабыв обо всем и сверкая пятками, до самой канадской границы.

— Не люблю, когда людям впаривают фуфло, — кивнула я. — Даже если эти люди — туристы. Их я тоже не люблю, но ненависть к фуфлу побеждает.

Потом мы синхронно встали, покинули кафе с независимым выражением на лицах и отправились следом за экскурсией.

Я даже протолкалась поближе к гиду, чтобы удостовериться в том, что он несет бред. Нет, это был не бред. Это была развесистая, жирненькая такая, сочная, мясистая клюква, ориентированная на публику, которая пришла на экскурсию не за новыми знаниями, а просто убить время. Мужчина сыпал датами и фактами, довольно слабо связанными между собой. Часть их была реальной, часть — взята из литературных произведений, а еще часть слухов и фантазий он явно откопал на каком-нибудь пикабу. Не было в его словах ни системы, ни энтузиазма, ни правды.

— Ой, мамочки! — шепнула Зинчик. — Они идут в ротонду.

— О! — только и смогла ответить я. И плотоядно улыбнулась: — Оооо!

Ротонда — реально одно из самых странных мест в городе. Даже если ты не ведьма, все равно почувствуешь там, что мир чуть-чуть сдвигается. Немного,

на какую-то долю градуса отклоняется от нормальности, но этого хватает, чтобы засосало под ложечкой. Любопытные звуковые эффекты, классная геометрия помещения и флер таинственности, который витает над Ротондой, только добавляют огня.

А уж если ты ведьма... Меня даже передернуло, когда я представила, что там будет внутри.

И предвкушение меня не обмануло.

Внутри была линза. Линза, собирающая свет и силу в одну точку, заставляющая пространство и время ворочаться и двигаться туда-обратно, пытаюсь убежать от огонька концентрированной мощи, блуждающего по всему зданию. А экскурсовод — вместо того чтобы просто помолчать и дать своим подопечным почувствовать прелесть места — все бубнил, и бубнил, и бубнил.

Зинчик хрустнула пальцами и надела на лицо милую улыбку.

Я на всякий случай отодвинулась подальше.

После этого половина группы просто пропала на лестнице, забредя в другой пространственный изгиб. Потом у экскурсовода исчез голос. То есть сам себя он слышал... а вот все другие — уже нет. Вместо него они слышали Зинчика, которая нежным голоском рассказывала настоящую историю этого места.

Как в фундамент замешивали толченное муранское стекло и амальгаму от кривых зеркал. Как не прекращали строительство ни днем ни ночью, причем днем стены возводили по часовой стрелке, а ночью — наоборот. Как в уже готовую ротонду привезли немного мастера-стеклодува из Венеции, чтобы он вживил крохотные капельки искажающего стекла в

стыки стен и потолка. Как глухие каменщики укрощали звук, гоняя его по кругу и запечатывая в глиняные горшки.

А когда она устала говорить, в дело вступила я.

— Посмотрите направо! Видите, во-он там, черная тень полощется? Это не тень, а призрак.

— А теперь глаза вверх. Выше-выше, не бойтесь. Теперь на краю зрения слева вы можете увидеть радужный блик. Если ухитритесь не моргать достаточно долго, то получится рассмотреть его в подробностях. Это живой солнечный блик, который не может выбраться наружу уже много лет.

— Теперь закройте глаза и прислушайтесь. Тсс. Слышите ветер? Так вот, это не ветер, а дыхание дома. Давайте попробуем поймать ритм?..

А потом пришел хранитель ротонды и начал возмущаться, что отведенные полчаса уже давно истекли, и спрашивать, чем это экскурсовод вообще думает, не соблюдая оговоренные сроки. Тот, кстати, ничем не думал, а просто обалдевал. Щипал себя за запястье, видимо, решив, что это сон и нужно срочно встать по будильнику. Зато туристы были в восторге, особенно те, которые высыпались один за другим из-за изгиба пространства. Кто знает, что они там видели!

И тут у меня зазвонил телефон. Отражаясь от стен ротонды, звук получился такой, будто меня желали слышать с того света.

Поэтому я вытащила телефон из кармана только через пару минут, выйдя на улицу. Надо сказать, все это время он упорно продолжал звонить.

Незнакомый номер.

— Наверное, клининг, — сказала я Зинчику. —
Завтра с утра должны приехать, Инна говорила, что
они заранее согласуют временной интервал.

Поднесла телефон к уху:

— Алло?

— Евгения, добрый вечер, — сказали мне. — Это
«Любовь на вылет». Поздравляю, вы удачно прошли
кастинг. Сможете подъехать завтра, подписать доку-
менты и познакомиться со съемочной группой?

Глава 4,
в которой я не попадаю
на шабаш

В парадную я заходила, проникновенно распевая: «We-e-e-e are the champions, my friend!»¹ Естественно, это не прошло незамеченным. Из своей каморки немедленно выглянула Марфа Пантелеевна с таким видом, как будто я тут не песни исполняю, а бью стекла булыжниками и поджигаю кнопку вызова лифта. Одновременно. С двух рук.

— Вы к кому? — прошипела она.

— К себе, — мило улыбнулась я. — То есть к сестре. Мы, кстати, с вами вчера утром знакомились.

— И что? — Она уперла кулаки в бедра и стала еще суровее. — Думаете, это дает вам право тут шуметь?

— Нет. Во-первых, это не шум, а пение. Во-вторых, оно тише, чем пятьдесят пять децибел. В-третьих, еще нет девяти вечера.

И направилась к лестнице. Лучше фитнес — особенно после пирожных, — чем ждать лифт в такой приятной компании.

¹ Песня группы Queen.

— При чем тут децибелы? — неслось мне вслед. — Ты мне зубы не заговаривай!

Ну вот, снова зубы. Дались им эти зубы.

Каждый раз, когда мне так говорят, появляется дикий соблазн срочно сообразить обратный наговор и призвать кариозных монстров из рекламы зубной пасты. Но я держусь. Честно, держусь. Потому что каждая сделанная гадость потом аукнется... А оно мне надо?

На этот раз в прихожей меня встречали оба. И Джу, и Сигизмунд. Смотрели с нескрываемым интересом, а потом, стоило мне разуться, хором спросили:

— Ну как?

— Миу?

— Прошла! — Я подхватила Джу на руки и сплясала с ней несколько па танго, врезалась в стену и расхохоталась. Сигизмунд снизу смотрел на это так скептически, словно я творила некое непотребство.

— Что? — спросила я, усадив Джу на плечо и направляясь на кухню. В моменты душевного потрясения меня всегда тянет готовить.

В принципе, я даже не ожидала, что Сигизмунд соизволит ответить, но он неожиданно пошел за мной следом.

— Во-первых, именно за этой стеной закрытая шахта, в которой живет местный домовый. Если его не вовремя разбудить, он может разозлиться. — Сигизмунд встопорщил усы. — В твои планы на вечер входит умасливание недовольного домового?

— Пожалуй, нет.

— Вот-вот. Ты уже не первый день здесь. Почему ты не подошла и не попросила: Сигизмунд, будь так добр, сориентируй меня на местности? Чтобы знать,

кто где живет, существуют ли негласные правила, и так далее, и тому подобное...

— Ты так говоришь, — я даже замерла на секунду, перестав намазывать бутерброд маслом, — как будто я приехала проворачивать военную операцию под твоим чутким руководством.

— Если бы я думал, что ты приехала проворачивать военную операцию, я бы познакомил тебя с опергруппой, выдал карты разных уровней действительности, обеспечил связным и снабдил ценными указаниями. Но давай-ка заглянем в твою сумку. Есть ли там карты?

— То есть все ценные указания, которыми ты меня снабжал все это время, не слишком ценные? Или не указания? Или...

Сигизмунд махнул лапой, подошел к холодильнику, самостоятельно вытащил оттуда пакет с шоколадным молоком и потащил в угол, где стояла его миска. Оглянулся на меня и смерил уничижительным взглядом.

— А во-вторых, ты как-то неосторожно танцевала. Мне не нравится идея лечить ушибы на чьих-нибудь локтях или лапах...

— Так! — натурально вспыхнула я. — Хватит лезть не в свое дело! Еще будешь контролировать, как я двигаюсь?

— Это моя квартира, значит, мое дело.

— Не твоя, а Артема и Инны.

— Тогда Джу не твоя, а своя собственная.

— Джу, зажми уши, я сейчас буду орать. Он меня достал...

— Мяу! — Джу смотрела обеспокоенно. Мол, не надо, Жень, пожалуйста...